

Приложение к № 240 газеты «Великолукская правда»

Николай Бердяев: о чем предупреждал философ, которого читает Путин

Концепция Нового средневековья, созданная Николаем Бердяевым, актуальна и сегодня

18 марта 1874 года в Киеве родился, наверное, самый знаменитый русский философ, оказавший огромное влияние на философию XX века – Николай Бердяев. Он прошел удивительный жизненный путь – от революционера до врага большевиков, а затем гражданина СССР. Он был одним из видных деятелей эпохи Серебряного века. Его книги заставили европейцев говорить о русской философии, хотя до этого к ней относились пренебрежительно, как к чему-то провинциальному, вторичному, ориентированному на религию и мистицизм. Наконец, Бердяев создал концепцию Нового средневековья, которая не теряет актуальности и в современном мире. О своём внимании к идеям Бердяева в 2021 году рассказал президент России Владимир Путин.

Николай Бердяев появился на свет в киевском районе Липки, неподалеку от Печерской лавры. Место было самое аристократическое, рядом Кловский императорский дворец, резиденция киевского генерал-губернатора, его канцелярия, дом командующего войсками Киевского военного округа и, конечно же, особняки лучших людей города. Среди которых почетное место занимала семья Бердяевых. Их род вёл свою историю с конца XV века, предки Бердяевых были знатными татарами, приехавшими на Русь, чтобы служить великим князьям московским.

Николай Бердяев

В гербовнике Российской империи о семье имелась такая запись: «В фамилии Бердяевых многие служили Российскому престолу дворянские службы в числе детей боярских, стряпчими и в иных чинах и жалованы были от государей... поместьями». Отец будущего философа в молодости служил в самом привилегированном Кавалергардском полку императорской гвардии, но рано вышел в отставку и поселился в родовом имении Обухово на берегу Днепра, стал уездным предводителем дворянства, был избран мировым судьей. Мать – княжна Алина Кудашева была родней знаменитым французским графам Шуазелям, половину жизни провела в Европе, вращаясь в светских кругах.

Несмотря на то, что отец Бердяева долгие годы работал председателем правления Земельного банка Юго-Западного края, богачом он не был. Жизнь на широкую ногу, необходимость поддерживать уровень, соответствующий высшему свету, требовала больших расходов, так что фамильное имение Обухово пришлось продать, хотя Николай Бердяев сохранил о нем самые теплые воспоминания детства. Впрочем, и бедняками Бердяевы не были. Дед Бердяева – генерал русской армии, отличился в продолжавшейся более года войне с мятежной Польшей в 1830–1831 годах и заслужил майорское имение в Польше, которое приносило стабильный доход.

ДЕТСТВО БЕРДЯЕВА

Разумеется, родители не думали ни о какой иной карьере для сына, кроме военной. Пажеский корпус, затем лучший полк лейб-гвардии, служба при императорском дворе или на командных должностях в армии – такова была карьера Бердяевых. Еще в детстве было подано прошение о

зачислении в пажи, но вместо этого маленький Николай остался в Киеве. Причина была проста – слабое здоровье. Родители не решились отпустить младшего сына в далекий сырой Санкт-Петербург. Поэтому Николай сначала учился дома, а затем поступил в Киевский кадетский корпус (от военной стези было решено не отступать). В корпусе Бердяеву решительно не понравилось.

Он писал в воспоминаниях: «Когда я поступил во второй класс кадетского корпуса и попал во время перемены между уроками в толпу товарищей кадет, я почувствовал себя совершенно несчастным и потерянным. Общество мальчиков мне всегда казалось очень грубым, разговоры низменными и глупыми... В коллективной атмосфере военного учебного заведения я был резким индивидуалистом, очень отъединенным от других».

Несмотря на прекрасных учителей дома, оказавшись кадетом, Николай стал одним из худших учеников. С трудом отучившись четыре года, Бердяев ушел из корпуса, не стал даже пытаться получить офицерский чин и начал готовиться к поступлению в Императорский Киевский университет. Параллельно, в 16–17 лет (!) он самостоятельно изучал сложнейшие философские доктрины Канта, Гегеля и Шопенгауэра. Уже тогда в нем пробудилось желание стать философом.

Через три года, за которые Николай прошел полный гимназический курс, он выдержал экзамен и в 1894 году стал студентом университета Св. Владимира. Причем первоначально поступил на физико-математический факультет, будучи уверенным в том, что философия требует серьезного подготовительного образования и для того, чтобы судить об устройстве бытия, надо его хорошо знать и понимать. Очень быстро Бердяев пожалел о такой принципиальной позиции – математика и физика давались ему с большим трудом. Так что через год он перешел на филологический факультет, где готовили в том числе философов.

В УНИВЕРСИТЕТЕ

В Киевском университете философию тогда преподавал известный ученый Георгий Челпанов. Для интересующихся предметом студентов он организовал дополнительные занятия на своей квартире по субботам. Там сложился кружок юных исследователей знаний, к которому Бердяев немедленно примкнул. Участники кружка обсуждали работы других философов, много и ожесточенно спорили... Тогда же Бердяев представил членам кружка свою первую работу «Мораль долга и мораль сердечного влечения». Текст ее, к сожалению, не сохранился, но уже тогда стало ясно, что одной из центральных тем творчества Бердяева станет мораль.

Группа основателей «Союза освободителей» в 1902 году в Германии: Пётр Струве, Нина Струве, Василий Богучарский, Николай Бердяев и Семён Франк

Как это обычно бывало в те годы, в студенческие кружки быстро проникали самые радикальные революционные идеи. Так молодой Бердяев стал марксистом, но марксистом очень странным. Его не интересовали отношения труда и капитала, но

очень привлекала коммунистическая этика, говорившая о принципиальной, изначальной несправедливости мироустройства и необходимости преодолеть эту несправедливость. Жажда деятельности привела к тому, что Бердяев сначала вступил в революционный студенческий союз – Центральный кружок саморазвития учащихся, а затем в Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса – это было уже серьезное, глубоко законспирированное революционное общество, центральная организация которого возглавлялась Владимиром Ульяновым.

Так судьба Бердяева пересеклась с жизнью Ленина. В будущем Бердяев расскажет за свое юношеское увлечение марксизмом и станет одним из критиков коммунизма, но в молодости он грезил революцией. При этом он категорически отвергал социалистический коллективизм, не имел никакого отношения к пролетариату (друзья Бердяева рассказывали, что великий мыслитель был совершенно бесполезен в обыденной жизни и не мог самостоятельно разжечь камин). Конечно же, подпольная деятельность ни к чему хорошему не привела. В 1897 году Бердяев был арестован на несколько дней как участник большой студенческой демонстрации. Тогда его быстро отпустили – сработала хорошая репутация семьи. Но 12 марта 1898 года Николая арестовали во второй раз, теперь за организацию беспорядков. В квартире произвели обыск, изъяли подрывную литературу. Всего в Киеве было арестовано около 150 человек, в том числе вся верхушка тайной организации.

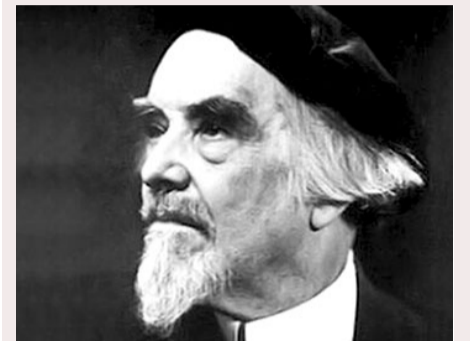
В ВОЛОГДЕ И В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Столь серьезный заговор не мог остаться без последствий. Николая исключили из университета, а после разбирательства сослали в Вологду на три года. Вологда была совсем не Сибирью, но уезжать оттуда запрещалось, так что участие в интеллектуальной жизни пришлось надолго ограничить перепиской. Зато у него появилось много свободного времени, которое было потрачено с пользой.

Бердяев пишет и публикует свою первую книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском», знакомится с философами Петром Струве и Львом Шестовым. Книга содержала попытку осуществить оригинальный синтез марксистской философии в ее социальной части и переосмысленной немецкой классической философии (прежде всего Канта). Этот период в творчестве Бердяева исследователи называют «неокантовским марксизмом».

Книга вызвала немалый интерес в русском обществе. Ее обсуждали, Бердяев получил известность. Ленину, кстати, она решительно не понравилась: он ощутил стремление Бердяева уйти от идеологической узости марксизма, реформировать его с помощью основательных работ классиков философии. Превосходство Канта и Гегеля над Марксом и Энгельсом было для догматика Ленина совершенно неприемлемо. Так что революционеры заклеили Бердяева предателем. После 1917 года это скажется на его судьбе в Советском Союзе. Но пока до этого было далеко. В 1904 году срок ссылки закончился, и Бердяев переехал в Санкт-Петербург, где участвовал в международном конгрессе философов в Женеве. К тому времени Бердяев уже стал весьма известным ученым, представителем «новой левой» философии в России. И уже не радикальным революционером. Он последовательно выступал «за простой народ».

В 1905 году в России начинается длительный политический кризис, сопровождаемый массовыми волнениями. Горячие головы говорят о начале революции. Император Николай II выпускает манифест об установлении конституционного прав-

Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

500 статей и книг русского философа Николая Александровича Бердяева переведены на 20 языков народов мира. Их список, изданный в Париже, составил целый том в 10 печатных листов. Однако на родине труды Бердяева были несколько десятилетий запрещены...

ления, что полностью меняет общественную жизнь в России. Начинается эпоха свобод и парламентаризма. Наблюдение за происходившими беспорядками, страх за страну, чуть было не свалившуюся в кровавый хаос революции, сильно меняют мировоззрение Бердяева. Он обращается к религии.

На эту перемену повлияла и общая атмосфера Серебряного века, наполненная увлечением всем таинственным, лежащим за границей человеческого разума. Николай часто бывает в салоне символиста Вячеслава Иванова, который зовут «башней». Там собирается весь цвет столичной интеллигенции – писатели, поэты, художники и философы: Александр Блок, Анна Ахматова, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Федор Сологуб, Константин Сомов, Лев Бакст, Василий Розанов. В салоне много говорят о вере и о том, как она изменит мир. Впрочем, сопровождается все это самым упадочническим декадентством: попытки имитировать языческие мистерии. Позднее Бердяев вспоминал об этих годах в столице с нескрываемым отращиванием.

Николай Бердяев, 1912 год

ВЕХИ

Уже в 1906 году в сборнике статей Бердяева видно, что он полностью отказался от модных позитивизма и марксизма, обратившись к религиозной философии, устанавливающей христианский идеал. В апреле 1907 он участвует в создании Петербургского религиозно-философского общества, на заседаниях которого Бердяев неоднократно выступал. Тогда он активно спорил с Василием Розановым, находившимся на пике популярности. Розанов неизменно проповедовал свою любимую тему о любви к миру, о том, что христианство пытается умертвить человека, восторгался иудаизмом, в котором чувствовал нечто живое. Бердяев же выступал с позиций убежденного христианина. Он признавал, что в мире есть болезни, бедность, смерть, но Иисус противопоставляет себя именно этому миру, наполненному множеством проблем и горестей. Но помимо мира печали, есть и высокое духовное существование личности, наполненное радостями познания, искусства, творения. Христос спас для людей именно такое, подлинное бытие.

(Окончание на стр. 6)

Николай Бердяев: о чем предупреждал философ, которого читает Путин

(Окончание. Начало на стр. 5)

В 1909 году выходит, пожалуй, самая знаковая книга русской философии XX века – «Вехи». В ней содержится статья Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». Революционная интеллигенция немедленно заклеила «Вехи» как воплощение контрреволюционной идеологии. Максим Горький писал, что это «мерзейшая книжечка за всю историю русской литературы», а Ленин назвал сборник «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию».

О чем рассказывали «Вехи»? Игумен Вениамин Новик так описал этот сборник: «Семь авторов, не сговариваясь друг с другом, заговорили об одном и том же. Заговорили о мировоззренческой болезни того времени – позитивизме, нигилизме, утилитаризме. ... [Революционеры говорили] вот надо систему изменить, царизм упразднить, аннулировать «православие, самодержавие, народность», убрать все эти препоны, и тогда естественная жизнь, собственно, сама собой и восстановится. Царизм в сознании этой интеллигенции был особенно демонизирован, считался радикальным злом, с устранением которого жизнь должна была сама нормализоваться. Семь авторов «Вех» смотрели глубже. Не предлагая никаких политических рецептов, они обратили внимание на сам строй мысли левых радикалов, которые близоруко не видели, что революция сметёт не только царя, но их самих».

Это, пожалуй, самое важное – авторы «Вех» предупреждали русское общество, что увлечением революционными доктринами погубит не только страну, но и само общество. Они оказались абсолютно правы. Февраль, а затем октябрь 1917 года уничтожили все, включая большую часть революционной интеллигенции, которая погибла от голода, была расстреляна в застенках ЧК или была вынуждена покинуть родину. Но тогда, в 1909 году это выглядело вызовом, брошенным «прогрессивным силам», философы покусались на идею социальных перемен. Это же возмутительно!

«Что вы купили ценой пролитой в 1905–1907 годах крови (а тогда революционные террористы убили более 12 тысяч человек)? И что будете готовы купить еще, какую цену за это заплатите?» – спрашивали авторы «Вех». Ответа на этот вопрос тогда не последовало. Консерваторы считали, что все и так хорошо, а значит, никаких перемен не надо, а радикалы были готовы на любые жертвы во имя «светлого будущего».

Николай Бердяев, его супруга Лидия Бердяева, писатель и переводчица Аделаида Герцык-Жуковская в Крыму

РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫСЫЛКА ИЗ РОССИИ

В 1916 году Бердяев переезжает в Москву. Там он встречает 1917 год. После февраля философ предсказал, что революция на этом не остановится, а значит, к власти придут еще более решительно настроенные политики. Так и случилось. Сначала Временное правительство стали контролировать «министры-социалисты» во главе с Александром Керенским, а затем в октябре состоялся большевистский переворот. В Москве он прошел куда более кроваво, нежели в северной столице. В городе имело немало офицеров, а гарнизон не был распропагандирован. Бои между красными и белыми шли в самом центре города, обстреливали Кремль. Бердяев не принял новую власть (он говорил: «Изначально я воспринял моральное уродство большевиков. Для меня их образ был неприемлем и эстетически, и этически»). Однако Бердяев решил, что долго Ленин у власти не удержится, и поэтому продолжал жить как раньше, работать над книгами.

Он обитал в родительской квартире, со старой мебелью XIX века, с фамильными портретами предков на стенах и как будто

не замечал того, как сильно меняется окружающий мир. Вскоре новая «пролетарская» власть отправила философа с мировым именем выполнять трудовую повинность (научная работа трудом не считалась). Так что Бердяеву пришлось зимой 1918 года чистить от снега московские улицы. Невыполнение приказа каралось лишением пайка, а значит, голодной смертью. Весной 1918 года Бердяев принял участие в учреждении Вольной академии духовной культуры, а затем читал лекции ее слушателям. Первые месяцы после прихода к власти большевиков по инерции сохранились многие свободы, которыми ученые не преминули воспользоваться. Но уже в 1919 году власти сначала запретили любые споры по итогам лекций, а в 1922 году и вовсе закрыли академию.

Уже в 1920 году Бердяева в первый раз арестовали по делу о «Тактическом центре», подпольной антибольшевистской организации. Но к ней он был совершенно непричастен, и ученого пришлось отпустить. В 1922 году Ленин заявил, что больше не будет терпеть в СССР контрреволюционную интеллигенцию, и потребовал выслать из страны несколько сотен ученых, чье мнение о советской власти было недостаточно восторженным. Бердяева арестовали вновь и объяснили, что или он уезжает, или будет расстрелян. Философ выбрал изгнание. В сентябре 1922 года на «Философском пароходе» он покинул Россию навсегда, вместе с ним отравились более двухсот человек, чьи имена составляли гордость отечественной науки.

Русский религиозный философ Николай Бердяев

В ЭМИГРАЦИИ

В эмиграции в 1924 году Бердяев пишет книгу-пророчество «Новое Средневековье». В ней он говорит, что гуманизм, рационализм, либерализм, правовое мышление, характерные для Нового времени, покидают цивилизованный мир, над которым поднимается заря Нового средневековья. Идея прогресса исчезает, сменяясь иерархией и социальной солидарностью. Многие увидели в этом предсказание скорого торжества фашизма в Италии и нацизма в Германии, но на самом деле это было куда более далеко идущее предупреждение. Оно во многом касается наших дней торжества технической, материальной цивилизации. Именно об этом писал Бердяев, говоря, что такая цивилизация в конце концов дойдет до утверждения самой настоящей черной магии.

В эмиграции он пишет и издает более десятка книг. Затрагивает вопросы свободы, морали, будущего России. Заслуги Бердяева перед мировой философией не остались незамеченными. Он семь раз выдвигался на получение Нобелевской премии, но так и не получил ее из-за интриг Нобелевского комитета. Когда Германия напала на Советский Союз, Николай Бердяев забыл про свое неприятие большевизма и безоговорочно выступил на стороне СССР. За это ему в 1946 году было возвращено советское гражданство. В СССР Бердяев не поехал – он слишком хорошо знал, на что способна советская власть, да и информация о новом витке послевоенных репрессий дошла до французского городка Кламар, где он провел свои последние годы. Жизнь великого русского философа Николая Александровича прервалась 23 марта 1948 года от разрыва сердца. Он скончался за своим письменным столом во время работы над новой книгой.

ПУТЬ РОССИИ

«История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. – писал мыслитель. – Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее

победителями, я пережил изгнание, и изгнание мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании».

Историософский труд Бердяева «Смысл истории» (1923) – одна из глубочайших книг. История, по Бердяеву, есть движение вперед, и он подчеркивал радикальное отличие библейского мировоззрения от античного и индийского. Индия и Греция не знали истории как движения. Только Библия говорит нам о том, что у мира есть цель. Бердяев возражал, в частности, и Шпенглеру на его книгу «Закат Европы»: «Христианство бросает вызов судьбе и никогда не может примириться с механическим, мертвым, фатальным».

Николай Александрович написал также книгу, которая в России долго считалась одиозной, – «Философия неравенства». Он писал ее на родине в начале 1920-х годов, в жестокий период революционных потрясений, сменившийся гражданской войной. Писал для тех представителей интеллигенции, которые готовы были, как Блок, приветствовать темную разрушительную стихию. Он называл их гасителями духа, предателями культуры, разрушителями, соучастниками преступных деяний.

Его краткое замечание по какому-нибудь узловому моменту христианского богословия было иногда ценней целого тома. В дни Великого поста актуально прозвучит вот этот тезис Бердяева: «Без великого таинства покаяния духовная жизнь немислима. Грех не только должен быть осознан, но и сорвется в огне покаяния».

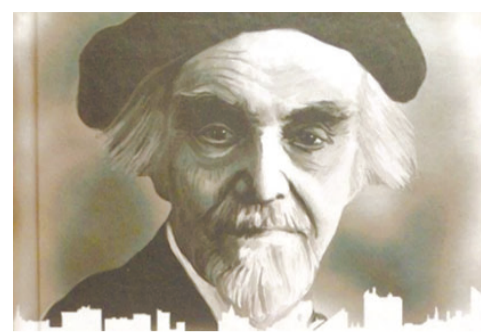
На чужбине ему жилось не так уж и просто, иногда он бедствовал. Но он создал сокровища мысли, журнал «Путь», который издавался с 1925 года и до самой Второй мировой войны. Всего шестьдесят номеров, но в этих журналах публиковался цвет русской мысли: С. Франк, С. Булгаков, Н. Лосский, Б. Вышеславцев...

В конце 30-х годов XX века Николай Александрович Бердяев издал книгу «Истоки и смысл русского коммунизма», в которой дал глубокий анализ русской ситуации. К главным трудам Н.А. Бердяева относятся также работы «О назначении человека» (1931), «Русская идея» (1946).

К «русской идее» Николай Александрович вновь обратился во время Второй мировой войны. Именно война побудила его еще раз обдумать исторический путь России. Обратимся к некоторым мыслям нашего соотечественника, изложенным в его произведениях:

В 1918 году в своем труде «Судьба России» Н.А. Бердяев отмечает, что Россия имеет некую миссию по отношению к Европе, причем не просто абстрактную миссию «спасения» и избранности, но конкретную – связанную с уже тогда предоступаемой Бердяевым мировой войной. «Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм, и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания... Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация».

И далее: «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории».

Николай Александрович Бердяев

Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну».

Однако особенную роль России Н.А. Бердяев не связывал с ощущением особенной национальной исключительности русского народа. «Русскому народу, – писал он, – совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им...»

«Самопознание», 1940 год: «Я все время верил в непобедимость России... Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться; я считал их изменниками».

Нельзя не процитировать хотя бы абзац из потрясающей книги Бердяева «Судьба России» (1914–1917):

«В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная».

Наш рассказ о роли Бердяева в русской культуре стоит закончить словами биографа Ольги Волкогоновой: «Его духовная эволюция характерна для русского интеллигента-интеллектуала рубежа веков; в его творчестве нашли отклик наиболее заметные и яркие идеи того удивительно богатого на таланты времени; он стал точкой пересечения различных художественных, философских, политических влияний Серебряного века русской культуры и периода послеоктябрьской эмиграции. «Одиночка» Бердяев в каком-то смысле типичен, причем он оставил свой след и в марксистских кружках, и на «башне» Вячеслава Иванова, и в эмигрантских изданиях и организациях. Без фигуры Николая Александровича просто невозможно представить панораму той эпохи, когда «плавилась» Россия. Вы будете наткнуться на упоминания о Бердяеве, на его письма, его характеристики, поступки – всюду».

Могила Н.А. Бердяева. Кладбище Буа-Тардьё, коммуна Кламар, департамент О-де-Сен

Михаил ДИУНОВ
Ангелина ДЕМЬЯНК

Избранные стихи

С.В. Молева

**АНДРЕЙ РУБЛЕВ.
«СТРАШНЫЙ СУД»**

Фреска Успенского собора во Владимире

Страшный Суд...
Отстаёт штукатурка от стен,
И прозрачны, как души, молящихся лики –
От колен Святослава, от русских колен.
И Господь перед ними благой и великий.

Се! Потомки, обретшие истинный дом,
Что свой крест пронесли, не теряя надежды.
На судящих и тех, кто стоит пред Судом,
Осиянно чисты и нетленны одежды.

Так и мнится: Успенья раздвинется свод,
Ослепит нас сияньем созвездий и радуг!
Но под фрескою – сумрачной арки пролет,
И мы знаем с тобой, что осталось «за кадром»...

О Земля! Стала ты, что скудельный сосуд,
Нет ни рыбы в морях и ни всходов за плугом.
Но не страшен, а праведен истинный Суд,
И склоняются мудрые старцы друг к другу.

И касаются нимбы друг друга, горя,
И душа не мятется, предчувствуя Слово...
А внизу... там, внизу, распласталась Земля,
Словно ад, поглотить непрощенных готова.

Там гигантские зарева черных печей,
И бетонные зубья ломает плотина,
И реакторы рвутся во мраке ночей,
И горит – не сгорает Россия... купина...

Се!.. Прошла она, Господи, Страшный свой Суд
Там – где, сыто смежая железные веки,
Эти мертвые Молохи души сосут
И рыгают ураном в стоящие реки.

+++

*Пора нам всем понять, что мы представляем
собой существенную ненужность
и никому не нужны, кроме Бога.
(Митрополит Вениамин (Федченко))*

Целый мир –
И звезды, и долины,
Радость, слезы, песни и рябины, –
Все, что мнилось жизнью и судьбой,
Унесу однажды я с собой.
Унесу туда, где света малость
Поглощает змей вселенский – хаос,
И, смиряя ужас и восторг,
Стану там, куда укажет Бог.
Стану там – пылинкой перед бездной,
Перед тьмой – заградой бесполезной.
...Но откуда, ширясь и светя,
Новый мир, неведомый и сильный,
Вдруг родится – мир Отца и Сына,
Где резвится голубь, как дитя.

Фото А. Агафонова

Тает... Февральская даль
Чуть проблеснула лазурью.
Красят оградки, как встарь,
В синюю краску да сурик.
В честь пресвятого поста,
Душу миращего с телом,
Возле простого креста
Я помолюсь неумело.

Надпись ладонью протру,
Венчик поблекший расправлю:
Светлая память Петру,
Царство небесное Павлу...
Воды под снегом журчат,
Радости, милые, ждите!
Скоро грачи прилетят
В тихую эту обитель.

В церковь повалит народ,
Звон колокольный прольётся.
Нежная верба вот-вот
Розовым пухом займётся.
И среди высоких берёз
Спустится солнце на пожню
Радостно, словно Христос, –
Так, что смотреть невозможно!

АНДРЕЙ РУБЛЕВ. «ТРОИЦА»

*Да как же я скажу –
братья мои, подвигнемся все
вместе до единого,
а сам свое лицо скрою?..
(Летописная повесть о Куликовской
битве)*

ПРОВОЛОКА

Я думала, что ты давно
Погребена в земле сыпучей...
И вдруг смотрю:
Окружено
Строенье проволокой колючей!
Трава цветами тяжела.
И леса мудрое соседство...
А ты?
Ты все еще жива,
Жива – мой ржавый спутник детства!
Я помню боль колючих жал
И помню вдовьи разговоры:
Тогда еще никто забором
Свои дома не окружал.
Тебя тащить с передовой
Ничья рука не подымалась...
Я думала, ты там осталась,
Где отгремел последний бой.
...В траншеях поднята трава.
И слава мертвых не разбудит.
Их нет, и скоро вдов не будет,
А ты, проклятая, жива!

Час вечерний. Спокойные лики.
Под гнетущими сводами свет.
Время ныне в надежде великой
Нам собраться на братний совет.
Братья мы – по страданью и крови,
Что течет по Великой Руси.
Тяжким нимбом сыновней любви
Охватило до боли виски.
Но не будем темны и угрюмы,
Нас не это сюда привело.
Мы издумали долгие думы,
И от них осветилось чело:
С черным сободем, соколом ясным,
Быющим птицу несмелую влёт,
Велика наша Русь и прекрасна
Даже в черные лета ее.
Час настанет – и слава воскреснет,
Русь сольется в единый поток.
Нас водил по долинам и весям
Не монашеский черствый кусок,
Не во имя благого терпенья
Мы смиряли неистовость тел, –
Но во благо земли и спасенья –
В единении видя удел.
Склоним головы молча, речами
Не умножить дела и почет.
Многим – многие будут печали,
Но и радость большая грядет.
Склоним головы, видя воочью
Все пути многотрудной борьбы.
Не покорствуем, братья, –
Пророчим
Над высокою чашей судьбы.

+++

Хрипели, кричали:
«Права и законы!»
«Постыдное рабство!»
«За землю и волю!»
А стены подвала в Ипатьевском доме
Уже багрятели священной кровью.
От тех эскадронов стремительно белых,
От конниц, вздымающих алые стяги,
Остались лишь яркие списки расстрелов –
В застенках,
В подвалах,
В овраге,
В ГУЛАГе.

+++

Валентину Голубееву

Усмехнутся лукавые губы –
Тяжело затемнеют глаза...
Мне легко твою русскую удаль
С безымянной тоскою связать.
Я сама в этих далах терялась,
Из ковшей деревянных пила,
К этим белым стволам прислонялась,
В этих травах дорожных спала.

Не тебя ль в вечернем поле
Я не раз окликала, скажи?
Не с тобой ли на праздник престольный
Подымала я чарку за жизнь?
И не ты ли, соколик, бывало,
В пляс ходил на широком лугу?
И кому васильки обрывала
На высоком сухом берегу?..

Неизменчива эта картина:
Реки, избы, с горчинкою дым...
Нет конца небесам, и равнинам,
И знобящим ветрам путевым.
Нету русскому сердцу покоя.
Как с высокого ступишь крыльца –
Изведёт разудалой тоскою
Красну девку над быстрой рекою,
На кресте ли дорог молодца.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ!

Бездонная, осенняя ты воля:
Сиреневая стылая река,
А под крылом зари – большое поле,
Да затерялся белый клин платка.

Я вижу и не вижу издалёка,
Я слышу и не слышу голосок...
А может, там качается осока
И плещется на отмели песок?

А может, мне дана была другая –
Простая, деревенская судьба?
Была б я загорелая, рябая,
Была бы у меня своя изба,

С высокой по завалинкам крапивой,
С ромашкой прошлогодней на окне...
Нет, не была б хозяйкой я радивой, –
Чего уж нет – того уж нет во мне.

Зато бы в этом поле я бродила,
Была бы полно этому своя.
Моя б косынка душу бередила
Заезжему в родимые края...

Ах поле, поле!
Опустели гнезда.
Всем улетевшим – доброго пути...
Бывает, и домой вернуться – поздно.
Мы только в том признаться не хотим.

1970

+++

Возвращайтесь домой! По домам...
Мы просторов и пажитей дети.
Горше судеб бездомных на свете
Разве только сумма да тюрьма.

Где-то в жизни мы сделали сбой, –
Видно, вышел кафтан не по росту:
Пятилеток гигантская поступь
Не совпала с крестьянской судьбой.

Как полу, людей разнесло,
Переплавило в тоннах металла,
Перепутались зло и добро,
Но душа, трепетнув, устояла.

И однажды под летним дождем
Вдруг как будто очнешься, оттаяв:
Всю землицу застроим, отравим,
Двух аршинов – и тех не найдем...

Эх, белы в городе калачи,
Да ведь суть, разобраться, не в этом:
Жизнь всего-то, кричи не кричи,
Лишь пяток или два пятилеток.

Вон вчера схоронил мужика,
А не знал и как звать-то, соседа...
Возвращайтесь домой! К землякам,
К тихим избам, к вечерним беседам,

К быстрым пилам и острой косе.
Пусть густеет на праздники солод.
Будешь к ночи шагать по росе,
Удивляясь, как день этот долот.

Будет столик за столом детворы,
И так яры весенние грозы,
Где за теплый песчаный обрыв
Зацепились корнями березы.

1989

Творчество великолучан

Владимир Непейцев

Я ЖИЛ
ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

Я жил по ту сторону Неба,
Которая ближе к Земле.
Я жил по ту сторону Неба
Надеждой о завтрашнем дне.

Я жил по ту сторону рая,
Где звёзды лишь ночью горят,
Сверкая, к себе заывают,
Но к людям летят в звездопад.

Я шёл, спотыкался и падал,
Под градом, по тонкому льду,
Я шёл по весеннему саду,
Я звёздной дорогой иду.

Мне звёзды холодные светят,
Несу я им сердца огонь,
Горячие песни о лете,
Я их собираю в ладонь.

Зажгутся – ладонь обжигают,
Но ляжет лишь ночь над Землёй,
Всем тем, кто о счастье мечтают,
Их буду бросать по одной...

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

Ты мне голосом ласковым пела
О далёкой волшебной стране,
Хоть за окнами вьюга свистела;
Но тепло и легко было мне.
В печке жарко горели поленья,
Ветер снегом кидался в окно,
Как сейчас помню эти мгновенья,
Только как же всё было давно...

Как кузнечик стрекочет машинка;
Нитка вяжет нехитрый узор.
Руки тонкие в синих прожилках
Вижу я в своих снах до сих пор.

Эти руки меня пеленали,
Растирали мне щёки в мороз,
Нежно гладили и утешали,
Если кто-то обидел всерьёз.

Провожая в дорогу, дрожали
И, к глазам прижимая платок,
Незаметно крестом осеняли:
«Возвращайся скорее – сынок!»

Потрудились, не ведая скуки, –
Жаль, помочь им уже не могу.
И в минуты последней разлуки
Непривычно недвижны в гробу.

Перетёрлась и в раз оборвалась
Тихой песни звенящая нить,
Эхом в сердце лишь песня осталась, –
Только память могу сохранить.

Всё уходит, и счастье, и муки
Незаметно уйдут без следа.
Только матери милые руки
Не забыть никогда... никогда...

КОЛОКОЛ

Заброшен Храм над Ловатью-рекою,
Вокруг него селений больше нет,
Здесь тишину ничто не беспокоит,
Снят колокол и отвезён в «цветмет»...

Старинный, чёрный, в трещинах и сколах
Он по утрам тревожит всю округу,
А звон его, то грустный, то весёлый,
Плыл к небесам, над речкою, над лугом.

А сколько раз язык его опухший
Стучал о медь в предчувствии ненастья,
Он не молчал в угоду волчьей власти,
Будя сердца уснувших и потухших.

Да, колоколен множество в России
(Не каждому на многие залезть),
Колокола есть звонче и красивей,
И серебра потрачено, не счесть.

Зря не шумят, качаясь в непогоду,
Не бьют язык о медные бока,
Что нужно звонарю, звонят народу.
На тех, кто ниже, смотрят свысока...

Жаль старый колокол,
он рассказал бы много,
Что видел со своей лишь колокольни,
Позарастёт теперь травой дорога,
Впредь тишина звенит, а сердцу больно.

Заброшен Храм, заброшен и погост.
Лишь ветер по развалинам гуляет,
Да ласточки своих навили гнёзд,
Святое место – пусто не бывает...

Сам не пойму, с чего это такое?
Вдруг хочется то плакать мне, то петь,
Дожди прошли, вновь небо голубое,
А на деревьях – золото и медь.

Октябрь скоро... сердцем понимаю,
Ещё успеется хлебнуть тоски,
Ведь паутинки, в воздухе летая,
Нам серебром ложатся на виски.

Но воздух чист, а небосвод так светел,
Тем, кто привык работать, созидать,
Кто лето за трудами не заметил,
Тому от Бога эта благодать.

Жаль... не художник, взял бы кисть и краски,
И днями рисовал бы, рисовал.
Лишь в памяти останутся наброски,
Даёт природа свой прощальный бал.

Жаль, нету крыльев, облетел бы Землю,
Чтоб передать всем радостную весть,
Всю красоту лишь сердцем я объеблю,
Тут повезло, – душа и сердце – есть.

Душа поёт и просится наружу,
Услышат те, кто сердцем не глухи,
Есть вдохновенье – главное, что нужно,
Как паутинки в воздухе стихи.

Вновь бьётся сердце, словно молодое.
Ему никак не хочется стареть,
Смотрю, смотрю на небо голубое,
И хочется то плакать мне, то петь...

ХОЧУ

Хочу свободы, чувствовать, творить,
На месте не стоять, не догонять,
Хочу всю душу близким подарить,
Все их несчастья на себя принять.

Горька пусть чаша, но испить до дна,
Без страха заглянуть в глаза вселенной,
Не знать покоя, отдыха и сна,
Но след оставить в этой жизни брэнной.

Взвалив на плечи сей тяжёлый крест,
Нести его, шатаясь, но не ныть,
Найти и покорить свой Эверест,
Чтоб на кресте своём распятым быть!

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ХРАМ

Храм в руины врагами повержен,
Но пустым святу месту – не быть!
Люди с Верой пришли и Надеждой
В прежней славе его возродить.

Иноки и миряне простые,
Небо знает и помнит о них,
Братья, сёстры Великой России,
В вашу честь прозвучит этот стих.

Не стаяя ни славы, ни денег,
Но пример подавая другим,
Вы взялись за Великое дело –
Восстанавливать Храм из руин.

Люди в чёрных и пёстрых одеждах,
Тяжкий труд почитая за честь,
Прикоснувшись к святому однажды,
Часть души вы оставили здесь.

Вновь былое величие церкви
Из забвения миру встаёт.

СТРАШНЕЙ ВСЕГО –
КОГДА НЕ САМ

Страшней всего – когда не сам,
И нет седин на волосах,
Когда понять не может разум,
Когда – как робот по приказу
Идёшь ты с боем в небеса...

По узким тропам, вверх, всё выше,
Смерть притаилась за скалой,
Синеет небо – гор тех крыша,
Но в этом небе Бог – чужой.

И не под бардовские песни,
Под пень пуль над головой,
Ты лез на гору с другом вместе,
Приказ такой... любой ценой...

А тот – кто там засел в горах,
Они ему родней и ближе,
И жизнь твоя – в его руках,
Тогда зачем? ... Кому?! ... скажи же!
Несёшь ты правду на штыках!

А правда вся – что друг убил,
Что ты один в горах остался,
Что не в свою игру ввязался,
Что Бог чужой – не защитит.

Тебя найдут твои друзья,
(Как поздно помощь подоспела...)
Своих в горах бросать нельзя,
И унесут из-под обстрела.

Зато другие пацаны,
Вжимаясь в скалы в гору лезут,
В войне кровавой, бесполезной,
Идут под пули без вины...

Идёт жестокая война,
Хоть петь о ней не перестанут,
Но кто погиб – уже не встанут,
Тем песням – страшная цена.
И день и ночь... идёт война...

Наступит утром перемирие,
В горах повиснет тишина,
Двухсотый груз поднимут крылья.
Взят курс – родная сторона.
Несут на Родину – в Россию
Они героя – пацана...

Страшней всего – когда не сам,
Летит машина в небесах,
Пилот ведёт её усталый,
Совсем седой – не по годам,
В родимый край – по облакам...

Да будет проклята война!
Мать ждёт со службы пацана,
Она не слышит в небе рокот,
К ней возвратиться раньше срока,
Его душа... душа одна... душа... одна...

Небо труд благородный оценит,
Православный оценит приход.

Возвышается Храм в прежней славе.
Солнце золотом льётся на крест.
И к молитве людей призывая,
По округе летит Благовест.

Пусть запомнится детям и внукам
Подвиг мирный во славу Христа,
В сердце каждом откликнется звуком
Вера, искренность и доброта.

Строгий суд по делам нашим судит,
На алтарь они Богу легли.
Трудовые, смиренные люди,
Вы служили Ему как могли.

Час придёт, и с малиновым звоном
Над Землёю душа воспарит,
Небеса её примут, и Он вам
Прегрешенья земные простит...

ПОСИДИМ
У РУССКОЙ ПЕЧКИ

Посидим у русской печки,
Слышишь – вьюга за окном,
Друг мой искренний сердечный,
Поделись со мной теплом.

Сядем, спинами прижавшись,
Мы нужны сейчас друг другу,
Смысла нету обижаться
На мороз и злую вьюгу,

Даже если жизнь прижала,
Мы ведь целое одно,
Чувствуешь, как побежало
К сердцу от спины тепло?

Посидим так долго, долго;
Я подумал вот о чём, –
Ведь река большая – Волга
Начинается ручьём...

Смотрим как орёл двуглавый,
Ты на север, я – на юг,
А никто у нас не главный;
В два кольца свернулся круг.

Хоть и обмелела речка, –
Не иссяк ещё ручей.
Помнишь, в песне той сердечной –
«Ты ничья и я ничей»...

Жизнь не балует нас долго,
Поистёрлась сильно нить,
Мы не речка, мы не Волга, –
Кораблям по нам не плыть.

Неба простынь голубая
На двоих была с тобой,
И могла звезда любая
Путеводной стать звездой.

Та, что выбрана из многих,
Никогда не подводила,
Всё прошли с тобой в итоге,
Было всё: и счастье было...

Свои листья золотые
В реку дерево роняет,
Поплывут они родные,
Той рекой, что нету края.

Всё разложено по полкам,
Так, что нечего делить,
Я – железная иголка,
Ты – как шёлковая нить...

Посидим, погреем спины,
Эта ночь как откровенье
Тихо в комнате пустынной,
Ни единого движенья...

В целом мире нет ни звука, –
Чтоб нарушило молчанье,
Положу на сердце руку,
Чтобы громко не стучало.

Что ты скажешь, друг сердечный?
Друг мой нежный, дорогой...
Я один сижу у печки, –
Говорю с самим собой...

ПУТЬ ЗЕМНОЙ
НЕ КОВРАМИ УЛОЖЕН

Путь земной не коврами уложен,
Но в душе враз затихнет гроза,
Если просто случайный прохожий
С теплою посмотрит в глаза.

Лёд на сердце растопит улыбка,
Лёгким паром он в небо уйдёт.
То в душе плачет жалобно скрипка,
То в ней звонко гармошка поёт.

Верь! Любовь тебя ждёт на пороге,
Даже если её ты не ждёшь.
И ты скажешь спасибо дороге,
По которой ты с нею пойдёшь.

Пусть она будет умной и милой,
Не способной на подлость и ложь.
Вот тогда, даже в жизни унылой,
Много песен весёлых найдёшь...

